

УДК 821.161.1:1
ББК 87.3:83.3(2Рос:5Кит)

Цуй Лу

Даляньский университет иностранных языков, кандидат филологических наук, старший преподаватель, КНР, Далянь, e-mail: cuiujiayou@mail.ru

Рецепция китайской культуры и отражение идеи «всемирности» в поэзии В.Ф. Перелешина¹

Аннотация. Рецепция китайской культуры в творчестве представителя русского дальневосточного зарубежья В.Ф. Перелешина (В.Ф. Салатко-Петрище) (1913–1992) ещё мало изучена с точки зрения отражения идеи «всемирности». Вместе с тем анализ этой рецепции важен для понимания «консервативной поэтики» Перелешина и его амбивалентного отношения к стране проживания и Родине. С использованием сравнительно-исторического метода, транснациональной теории и имагологии рассматриваются стихотворения, созданные поэтом не только в Китае, но и в Бразилии. Показано, что эволюция Перелешина в восприятии китайской культуры не только выявляет желание поэта освоить «другое» культурное пространство, но и соотносится с процессом формирования его транснационального сознания. Отмечается, что китайские темы в творчестве Перелешина связаны с мотивом создания и открытия мира и мотивом всемирности и всечеловечности, который явился историсофской идеей всей русской литературы XIX века. Утверждается, что обращение Перелешина к восточному типу духовности обусловило развитие «русской отзывчивости» в творчестве бразильского периода и его размышления о новой идентичности человека, живущего на грани двух миров. Делается вывод, что мотив «вечного скитальца» открыл поэту новые возможности сохранить «русскость», одновременно выходя за рамки мононациональности за счёт трансторического и метафизического расширения границ поэтического сознания.

Ключевые слова: поэзия В.Ф. Перелешина, русское дальневосточное зарубежье, имагология, идея всечеловечности, транснациональное сознание, русский литературный канон, восточный тип духовности

---

¹ Основу статьи составил доклад, представленный на 50-й Международной научной филологической конференции имени Л.А. Вербицкой, прошедшей 15–23 марта 2022 года в Санкт-Петербургском государственном университете.

Исследование подготовлено в рамках проекта научных исследований 2021 года Департамента образования провинции Ляонин КНР (грант № LJKR0402) «Исследование литературных журналов русского дальневосточного зарубежья 1920–1945 гг. в контексте теории поля литературы». (The reported study was funded by the Department of Education of Liaoning Province of China, project number № LJKR0402 «The research of literary journals of the Russian Far Eastern abroad from 1920 to 1945 in the context of the theory of literary field»).

Cui Lu

Dalian University of Foreign Languages, PhD (Philology), Senior Lecturer, China, Dalian,
e-mail: cuilujiaoyou@mail.ru

The reception of Chinese Culture and Reflection of the Idea of “Worldliness” in V. Pereleshin’s Poetry

Abstract. The reception of Chinese culture in the works of V.F. Pereleshin (V.F. Salatko-Petrishche) (1913–1992), a representative of the Russian Far Eastern abroad, has not yet been studied enough in terms of reflecting the idea of “universality”. It is important for understanding Pereleshin’s “conservative poetics” and his ambivalent attitude to the country of residence and the Homeland. Using the comparative historical method, transnational theory and imagology, the poems created by the poet not only in China, but also in Brazil are considered. It is shown that the evolution of Pereleshin’s perception of Chinese culture not only reveals the poet’s desire to master the “other” cultural space, but also correlates with the formation of his transnational consciousness. The motif of creation and discovery of the world, the motif of universality and all-humanity, which was the historiosophical idea of all Russian literature of the XIX century, shine through Chinese themes within the framework of the Russian literary canon. It is argued that Pereleshin’s appeal to the eastern type of spirituality determines the development of “Russian responsiveness” in the works of the Brazilian period and reflection on the new identity of a person living on the edge of two worlds. It is concluded that the motif of the “eternal wanderer” opened up new opportunities for the poet to preserve “Russianness”, at the same time going beyond mononationality due to the transhistorical and metaphysical expansion of the boundaries of poetic consciousness.

Key words: V.F. Pereleshin’s poetry, Far Eastern emigration, imagology, the idea of all-humanity, transnational consciousness, Russian literary canon, oriental spirituality

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.148-161

Творчество поэта-эмигранта Валерия Перелешина тесно связано с его уникальным опытом проживания в «трёх родинах» – России, Китае и Бразилии. К настоящему времени в науке накоплен небольшой опыт изучения его творчества. Внимание сосредоточено на вопросах литературной преемственности в поэзии Перелешина² и на проблемах его восприятия иной, или «чужой», культуры, и прежде всего китайской³. На основе анализа биографических материалов исследовательница Ли Мэн отмечает, что его нападки на «нечистый русский язык» русских эмигрантов показывают ограниченность его видения мира⁴. Как нам представляется, без рассмотрения проблемы «русской отзывчивости» в более широком историко-культурном контексте русской эмиграции невоз-

---

² См., например: Жебит А. Он пел «в тоске, на незабытом языке». Поэт Валерий Перелешин и Россия // Родина. 2013. № 10. С. 55–61 [1].

³ См., например: Ли М. Валерий Перелешин и его Китай // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 135–152 [2].

⁴ См.: Ли М. Цюэ ши дэ и хуань (Пропущенное звено: литература русского зарубежья в Китае). 李萌. 缺失的一环：在华俄国侨民文学. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2007. С. 378–379 [3] (на кит. яз.).

можно понять амбивалентное отношение Перелешина к России и к стране его проживания. А неустойчивые позиции поэта на пути поиска собственной идентичности обусловили предпринятый нами детальный анализ творчества Перелешина с учётом присущего ему транснационального начала. Цель исследования – проанализировать идею «всемирности» в творчестве Перелешина, рассматриваемом в контексте истории русской дальневосточной эмиграции первой волны, и его опыт пересоздания себя в окружении «чужой» культуры. Это важно не только для выявления особенностей рецепции «чужой» культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов в целом, но и для понимания художественной индивидуальности поэта. В основу методологии нашего исследования положен культурно-исторический, сравнительно-типологический и компаративный методы с использованием принципов имагологии.

Понятия «всемирная отзывчивость» и «всечеловечность» были осмыслены Ф.М. Достоевским в его публицистике еще в 1860-х гг. и были окончательно оформлены писателем в его «Речи о Пушкине», произнесенной в 1880 г., которая вызвала бурное обсуждение среди русских мыслителей. Публичное выступление Достоевского не только закрепило имя Пушкина как величину мирового художественного значения, но и представило идеи Достоевского о национальной самобытности и исторической роли России и её всечеловеческом предназначении. Эти концепции и евразийский метод познания поликультурной и полиэтнической России были особенно актуальны в среде русской диаспоры, когда было необходимо мифологизировать прошлое и выработать стратегию дальнейшего диалога Востока и Запада.

Жизнь русских писателей в эмиграции открыла новые возможности представлять литературу в ее взаимодействии с другими культурами, размышлять о разных способах «быть русским» и тем самым проверить способность русской культуры к «всечеловечности». Вынужденным пересечением границ, смешиванием культурных представлений и традиций обусловлено переосмысление «своего» в «чужом», русской истории в отдалении от Родины. В этом плане роль русской литературы, развивающейся за рубежом, эмигранты осознанно связывали с мессианством русского народа. З. Гиппиус так писала об идее обогащения русской культуры всем тем, что может предложить мир: «Откроются когда-нибудь двери в Россию; и литература вернется туда. Бог даст, с большим, чем прежде, сознанием всемирности» [4, с. 373].

Безусловно, эмиграция актуализировала вопрос диалога разных культур и самоопределения человека на новой территории, в «третьем пространстве». При рассмотрении непрерывного процесса культурного обмена, возникшего в результате передвижения, Х. Бхабхи вводит понятие «гибридности», которое обозначает деконструкцию привычной бинарной оппозиционной модели национального нарратива, построенного на четком противопоставлении «своих» и «чужих». Формируется особая гибридная идентичность, которая отличается

амбивалентностью, транснациональностью и процессуальностью⁵. Подход к литературе русского зарубежья с позиции транснациональной теории находим и в трудах М. Рубинс, в которых подчеркивается гибридная и бикультурная природа, свойственная литературе русских эмигрантов на Западе. На примере анализа прозы представителей «Русского Монпарнаса» исследовательница показывает, что «национальная и транснациональная модели могут сосуществовать в рамках одного культурного поля в любой момент времени»⁶.

Однако не всем эмигрантам первой волны удалось найти баланс между «национальным» и «транснациональным», между развитием «всемирности» и чуткости к другой культуре и сохранением «русскости» на чужбине. На практике, с одной стороны, цель сохранения классической русской культуры нередко воспринималась эмигрантами старшего поколения первой волны как изоляция от современного искусства других народов, что приводило к формированию относительно консервативного стиля творчества и даже специфической орфографии. С другой стороны, бывает, что во время проживания в чужой стране человек переходит на другой язык и отходит от первоначального ностальгического чувства к своей родине, одновременно обитая в несколько мирах или ни в одном вообще, если мы не говорим об ассимиляции. При анализе и сравнении антологий поэзии русского зарубежья К. Ходжсон сделала акцент на внутреннем разнообразии эмигрантской литературы, утверждая, что модель «всечеловечности» России Достоевского, вдохновлявшая на восприятие и трансформацию иностранной культуры, работала более эффективно в метрополии, чем в диаспоре. «Проживающие в диаспоре русские обнаружили себя в роли “другого”, а не в образе отзывчивого и преобразующего “я”», – пишет К. Ходжсон [7, с. 218].

Однако, как нам представляется, дело обстояло немного иначе на Дальнем Востоке, где литераторы подчеркивали единообразие внутри русского сообщества, члены которого были связаны общим языком и культурным наследием и не были особенно вовлечены в культуру принимающих их стран. А русским поэтам, живущим в восточной стране, было труднее найти соответствие образности и версификационной технике и тем самым отразить трансформацию идентичности в области поэтического языка.

У писателей дальневосточного зарубежья сложилось ощущение двойной маргинальности не только относительно страны пребывания, но и относительно русской диаспоры на Западе. Русские харбинцы и шанхайцы восприняли Париж как «культурную столицу» русского зарубежья и пытались опублико-

---

⁵ См.: Bhabha H. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. Цит. см.: Чемякин Е.Ю. Концепция культурной идентичности в постколониальной литературе // *Studia Culturae*. 2020. № 45. С. 205–206 [5].

⁶ См.: Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 19 [6].

ваться в эмигрантских журналах, издававшихся в Европе, чтобы, по крайней мере, косвенно поддерживать свою связь с предполагаемыми «цивилизационными истоками».

Например, в Институте мировой литературы им. А.М. Горького сохранилась тетрадь в 625 страниц, в которую двадцатилетний поэт Перелешин переписывал стихотворения, статьи, рецензии из эмигрантских книг и журналов. В частности, здесь содержится немало материалов из парижского журнала «Числа». В. Перелешин писал: «Для нас важнее всего то, что мы осознали культурное единство эмиграции, в котором видим залог ее будущего, осознали и то, что мы – частица этого единства» (курсив наш. – Л.Ц.) [8]. Тем самым молодой поэт ставит перед литературным сообществом дальневосточной диаспоры цель – «продолжить пушкинско-блоковскую традицию русской литературы» и «преодолеть увлечение дикарскими приманками в словесности»⁷. Можно допустить, что призыв к «национальному нарративу» на Дальнем Востоке является собой поэтическую стратегию и поведенческий принцип эмигрантов, желающих участвовать в «воображаемом сообществе», основанном на общем историческом опыте и культурных кодах.

С конца 1920-х годов начал проявляться повышенный интерес дальневосточных эмигрантов к стране пребывания и к культурным ценностям Востока. Динамика ценностных ориентаций была во многом связана с осознанием собственного предназначения русских беженцев, живущих на Востоке, и «региональной самооценности» не только по отношению к Советской России, но и по отношению к западной «столице» русского зарубежья. Во многих публикациях статей эмигрантов находит отражение идея евразийства. Например, в журнале «Врата», издававшемся в «русском» Шанхае, дальневосточные эмигранты откровенно заявили, что они «поставлены в особо выгодные условия для продолжения культурно-исторической роли нашей Родины – связующего и связывающего звена между Востоком и Западом, черпающего и сплавляющего в себе лучшее, что есть в обоих, для создания чего-то Третьего»⁸. Заметим, что осмысление традиционной темы «Восток–Запад» в условиях эмиграции было не только проявлением самобытности дальневосточной диаспоры, но и способом выхода за рамки оппозиции «столица–провинция» и реализации идеала русской отзывчивости.

Трудно сказать, в какой степени Перелешин оказался под влиянием идеи евразийства. Как важный член «Чураевки» (1926–1934 гг.) – самого известного русского литературного объединения в Харбине, поэт-эмигрант активно участвовал в создании относительно консервативной поэтики поэтов-харбинцев и тем самым пытался вписаться в основной дискурс русской диаспоры того времени. Но в то же время произведения Перелешина как поэта, а также как пере-

⁷ См.: Перелешин В. Восьмая годовщина Чураевки // Чураевка. 1934. № 6, Май. С. 3 [9].

⁸ См.: От содружества // Врата. Шанхай: 1934. Книга 1. С. 2 [10].

водчика реально демонстрировали творческий отклик на окружающую среду. В этой перспективе экзистенциальный опыт Перелешина как «растворение» в «чужой» культуре в рамках русского литературного канона представляется нам особым примером развития на практике способности русской культуры ко «всемирности».

Не следует забывать о том, что Китай долго не входил в литературный мир Перелешина. Первые две книги поэта насыщены «холодными» религиозными и философскими размышлениями без рефлексии «чужой» культуры. Еще в 1934 году начинающий поэт манифестом «Мы» показал свою восприимчивость к определению «своего» и «чужого», к конструированию «коллективной идентичности»: «Мы – государство в государствах, / Сплотившееся навсегда. / Разбросанные по чужбинам, / Встречаемые здесь и там, /... Мы обрели тебя, Россия, / Мы обрели самих себя!» [11, с. 49].

Но с 1940-х годов в его творчестве появляются новые черты, говорящие о связи с чужой культурой. Вышла третья книга поэта под названием «Звезда над морем» (1941 г.), в которой он пишет: «Новый, новый над миром⁹ старым / Мир откроется впереди» [11, с. 80]. В это же время поэт-эмигрант уже не довольствовался лишь «воссозданием России в миниатюре». Впервые появились такие стихи о Китае, как «Поездка в Дунлин» (1940 г.) и «Картина» (1941 г.), которые вводят читателей в мир древнекитайской культуры. В них Китай «говорит» языком истории и колоритно выражена тема диалога русского человека с древней восточной страной, что и обусловило «расширение» панорамы «иной» реальности в поэзии Перелешина.

Причина такого поворота состоит в его переезде в Пекин и «пекинском» этапе творчества, который, в отличие от периода «русского» Харбина, где он прожил почти 20 лет, открыл эмигранту совсем новый мир. В 1938 году русский поэт принял монашеский постриг и в следующем году с Русской Духовной миссией переехал в древнюю столицу Китая. Знакомство с китайским языком и культурой снимает у Перелешина чувство отчаяния, связанное с жизнью на чужбине. В конце 1941 года поэт-монах так писал матери: «В общем, чувствую себя превосходно..., хочется пожить свободным человеком, почитать и подумать. Но главное – китайский язык. С каким нетерпением я жду того радостного дня, когда смогу, наконец, снова погрузиться в него!» [12].

В это же время в его стихах усиливается противоречие между стремлением к духовному идеалу и привязанностью к мирской суете. Четвертый сборник был назван Перешиным «Жертва» (1944 г.). В нем отражается борьба между двумя «я», что выражает раздвоенность сознания лирического субъекта: выбор одного означает жертву другого. Поэтому создаваемый «китайский текст» важен для поэта как путь к поиску собственной идентичности.

---

⁹ Слово «мир» вместо «миръ» (по правилам дореволюционной орфографии) употребляется Перелешиным везде, даже в его переводе «Дао дэ цзин».

Например, в стихотворении «Предел» (1941 г.) он пишет: «Смолою почек пахнет прелый воздух / Белеет поздний парус вдалеке, / Но не сумею рассказать о звездах / Я на твоём чудесном языке» [11, с. 99]. В переключке с Лермонтовым поэт раскрывает проблему общения русского беженца с «чужим». Предел – это не только национальная граница, но и языковые барьеры. В любом случае можно отметить неоднозначную природу понимания «иной» культуры в стихах Перелешина.

В книгу «Жертва» входят еще такие стихотворения, как «Чжуньхай» (1943 г.), «В Шаньхайгуане» (1943 г.), «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы» (1943 г.), «Хуцинь» (1943 г.), отмеченные знаками «иной» реальности, в которых образ «другого» Перелешина проступает на фоне восточных садов и храмов. Хотя сюжет обретения духовной безмятежности и образы буддийского храма как тихого прибежища не сильно отличают «китайский текст» эмигранта от экзотизма в западном представлении, а восточное настроение иногда пронизано лиризмом, сквозь китайские темы просвечивает открытость русского поэта и мотив «всемирной отзывчивости»: «И каждый прохожий мне дорог, и каждый мне нужен, / И память хранит вечера, города, переулки» («В Шаньхайгуане») ¹⁰; «Так сердце легкое изменится: / Я слез невидимых напьюсь / И с музой, благодарной пленницей, / Чужой печалью поделюсь» ¹¹. В стихотворении «Ностальгия» (1944 г.) обобщено отношение эмигранта к «чужому»: «Все страны вселенной я сердцем широким люблю, / Но только, Россия, одну тебя больше Китая» ¹². В сборнике деконструируется эмигрантский миф о Родине и уже не скрывается желание поэта познать новую реальность и осознать самого себя в системе ценностей этой реальности.

В конце 1943 года поэт переехал в другой город Китая – Шанхай, и тем самым его отношения с «Китаем» перешли на новый этап. Потом эмигрант писал о своей жизни в Шанхае (1943–1950 гг.), указывая, что «это были годы выработки мировоззрения, впитывания мистического христианства, а также и усиленного изучения китайского языка, вникновения в китайскую поэзию и философию» (курсив наш. – Л.Ц.) ¹³ [13]. Его переводы с китайского на русский язык стали уже достаточно зрелыми. В этот период Перелешин начал переводить поэму «Ли Сао» (1974 г.), философский трактат «Дао дэ цзин» (1994 г.), которые ему удалось опубликовать только после 1970-х годов. Поэту принадлежит ещё антология переводов «Стихи на веере», вышедшая в 1970 году, которая включает в себя стихотворения таких китайских классиков, как Мэн Хаожань, Бай Цзюйи, Ван Вэй, Ли Бай и др. Мотивацией для занятия такой слож-

¹⁰ См.: Перелешин В.Ф. Три родины: Стихотворения и поэмы. Т. 1. М.: Престиж Бук, 2018. С. 121 [11].

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Там же. С. 118.

¹³ См.: Перелешин В.Ф. Предисловие В. Перелешина к письмам Кирилла Батурина // Отдел Рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 22. Ед. хр. 6. Л. 1 [13].

ной работой оказывается не только увлечение Перелешина восточной культурой, но и осознание своего предназначения как поэта-переводчика – оживление и обогащение национальной литературы, как сам Перелешин пишет о своей мечте: «Представим себе, что я переведу двадцать стихотворений в форме “пу-са-мань”, а потом стану применять ее и для своих обычных стихов, а затем форма “привьется” и ею станут пользоваться многие поэты, – не будет ли это означать, что русское стихосложение обогатится новой формой, которая займет в нем такое же положение, как импортированная из Персии газелла?» [14, с. 10]

Для Перелешина важнее всего создать «адекватность впечатления» у русских читателей при воссоздании поэтического мира Китая. Именно в этом переводе он создаёт себе «третье пространство» между далекой Родиной и страной своего проживания, в котором эмигрант может себя познать. Неслучайно Г. Адамович высоко оценил эти переводные произведения, которые, по его словам, сроднились «с духом Востока»: «Слова наши, русские, но будто произнесены на луне, когда нас и на свете еще не было» [15].

В пятой книге Перелешина «Южный дом» тема Китая стала преобладающей. В таких стихах, как «Ночь на Сиху» (1947 г.), «Красные листья под инеем» (1947 г.), «Сянтаньчэн» (1948 г.), «Хусиньтин» (1951 г.), закодированы разнообразные отсылки к китайской культурной традиции, реминисценции из восточных классиков. Иногда при изображении Китая как модели утопического рая Перелешин даже позволял себе неточные рифмы и вольные ямбы, а также рифмовки со словами-китаизмами, например такими, как «вверху-Сиху», «Гуаньинь-пустынь». Внимательный читатель заметит, что в стихотворении «Издалека» (1952 г.) повторяется мотив «возвращения в Китай после перевоплощения», который появился ещё в таком произведении, как «Китай» (1942 г.). Если в последнем «чужой» Китай воспринимается еще как «золотая и голодная» страна, «странный и шумный» рай, то через 10 лет ракурс повествования поменялся, о чем поэт написал в своей работе «Издалека»: «Это будет простое, туманное утро в Китае. / Прокричат петухи. Загрохочет далёкий трамвай» [11, с. 150]. Сцены, связанные с вхождением в бытовую культуру Китая, носят в себе даже черты модернизма. Эволюция восприятия образа Китая выявляет желание поэта освоить «другое» культурное пространство и сформировать новый тип идентичности. О рецепции Китая как «своего» поэт-эмигрант говорил: «По основному замыслу, “Южный дом” – в противовесе “Ностальгия”¹⁴ – это принятие Китая как окончательного “дома”» [3, с. 144].

Итак, декларация «Все страны вселенной я сердцем широким люблю, / Но только, Россия, одну тебя больше Китая» превращалась в признание «Россия, только имя, придуманное бытие» («Россия», 1944 г.), в котором проявление национального уже мало уловимо. В этом плане нельзя не вспомнить стихотворение «Заблудившийся аргонавт» (1947 г.), в котором отчётливо просту-

---

¹⁴ У Перелешина есть стихотворение «Ностальгия», написанное в 1943 году.

пает мотив открытия мира: «Все заветы и все знамена, / Целый мир вбираю в себя...»¹⁵. Однако в конце стихотворения автор подчеркивает свою национальную принадлежность и как бы оправдывает свою причастность к чужой культуре мифом об аргонавтах, которые устремлены вдаль и скитаются в поисках истины. Тем самым мотив «вечного скитальца» является показательным с точки зрения творческой преемственности поэта образам и мотивам русской литературы XIX–XX вв. Этот мотив получил развитие в поздних произведениях эмигранта, открыл ему новые возможности сохранять «русскость».

Образ скитальца, связанный с преобразованием идентичности поэта, ярко отражен в стихотворении «Ночь на Сиху», написанном Перелешиним перед отъездом из Китая. В нем взаимодействуют различные культурные коды и границы между ними почти стерты. Автор воплотил в стихах опыт пересоздания себя в инокультурном контексте. При этом фокусом воплощения культурного диалога для поэта стал образ луны. Мифологемой луны объединяются образы пророка Моисея и поэтов-скитальцев Китая Цюй Юаня (340–278 до н.э.)¹⁶ и Ли Бай (701–762/763)¹⁷. Луна не только вызывает ностальгию, но и соотносится с мотивом единой судьбы человечества: «Шестнадцатого – каждый месяц лунный – / Как говорят, “окно полно луной” / Луна везде! И я, отныне юный, / Впадаю в мир уже почти родной»¹⁸. Это художественный мир взаимопроникновения и слияния разных культур, где поэт-эмигрант как человек-маргинал мог соотнести себя с каждой из них. Тем самым стихи придают традиционному культурному пространству Сиху новые смыслы, связанные с транснациональным сознанием, в отличие от экзотической стилизации. Перелешин воплощает общее настроение, общий опыт маргинальности, соединяющий интеллигентов-изгнанников, представляющих цивилизации Востока и Запада. Можно сказать, что общечеловеческое при этом предстает как результат осмысления судьбы вечного скитальца.

На самом деле жизнь эмигранта в условиях диаспоры может привести его к ощущению беспочвенности. Как ни парадоксально, это и позволяет Перелешину осознать ценность идеала «всечеловечности» и выйти за рамки мононациональности за счет расширения границ сознания. Например, поэт отвечал в письме подруге по поводу идентичности эмигранта: «...почему нельзя человеку позволить любить весь мир, все страны, все цвета кожи, все “касты и веры” одинаково или почти одинаково? Неужели обязательны “перегородки” и “решетки”? <...> человечество шире и больше “своей страны”» [16].

¹⁵ См.: Перелешин В.Ф. Три родины: Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 138–139.

¹⁶ Цюй Юань – автор «Ли Сао», одной из самых больших и сложных поэм, дошедших до нас из Древнего Китая.

¹⁷ Ли Бай (или Ли Бо) – один из самых знаменитых китайских поэтов династии Тан. Луна – один из важнейших образов в стихах Ли Бай.

¹⁸ См.: Перелешин В.Ф. Три родины: Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 140.

Стоит отметить, что во время проживания в Китае Перелешин принял монашество, как уже указывалось выше, но через восемь лет отказался от него, что показывает реально неустойчивую позицию русского беженца, оказавшегося на грани двух миров. В конце 1960-х годов, через 20 лет после отъезда из Китая, Перелешин выпустил еще 8 книг стихов, живя уже в третьей стране – Бразилии. Полвека жизни беженца привели поэта к осмыслению вопросов, связанных с осознанием своей идентичности: «Кто я?», «Откуда я?», «Кто меня слушает?» Если произведения Перелешина китайского периода насыщены противоречиями и оппозициями «свой–чужой», «Восток–Запад», «духовность–бездуховность», то в его позднем творчестве уже не так выражено звучат мотивы ностальгии, связанные с чувством отчуждения. Здесь прослеживается философская тема взаимосвязи различных культур, которая ведет к повторяемости мотивов существования человека во всех мирах¹⁹.

О синкретизме культур на уровне мировоззрения и духовного познания Перелешин откровенно писал в бразильский период. Например, в письме в редакцию *Russian Language Journal* он сообщал, что цельное мировоззрение в современную ему эпоху утрачено: «Мы и христиане, и агностики, мы и идеалисты, и материалисты, мы и космополиты, и националисты. И не в разные сроки, а в один и тот же момент» [19, с. 32–33].

Интересно, что о «пути синкретизма» Перелешин писал в своих научных статьях, посвященных восточной культуре, в том числе буддизму, таких как «Созерцательная школа буддизма», «Поэты и буддизм», «Мысли о буддизме», «Остров Пу-то». В этих текстах, написанных в 1970-х годах, изучение и анализ философии буддизма направлены в конечном счете на осмысление тем культурной идентичности. По мнению Перелешина, в буддизме (точнее, в законе кармы) более «мудрено» дана интерпретация вопроса обреченности судьбы человека. А терпимость буддистов, «их готовность сблизиться с любой другой верой» созвучны сознанию эмигрантов, которые стремились к новой культурной идентичности в окружении «чужого» и «не нашли в христианстве ответов на все свои вопросы, и поэтому были вынуждены вступить на путь синкретизма», как писал Перелешин²⁰. Осмысление буддийской философии позволяет Перелешину не переходить в другую веру, не отказываться от изначальной

---

¹⁹ В этом плане стихи Перелешина также близки к концепции «гетеротопии» (в терминологии М. Фуко), обсуждаемой авторами книги «Век диаспоры. Траектория зарубежной русской литературы (1920–2020)» (см. подробнее: Век диаспоры. Траектория зарубежной русской литературы (1920–2020): сб. статей / под ред. Марии Рубинс. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 333 с. [17]). В рецензии на эту книгу исследователи истолковали идею «гетеротопии», представленную в литературе диаспоры, как «воображаемое пространство, в котором соединяются национальное и глобальное» (см.: Бугаева Л.Д., Титаренко С.Д. Литература диаспоры как феномен транснациональной культуры // Русская литература. 2022. № 2. С. 258 [18]).

²⁰ См.: Салатко-Петрище В.Ф. Мысли о буддизме // Отдел Рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 1.2.2. Ед. хр. 1. Л. 39 [20].

культуры, а учиться принимать другие религии, которые, говоря его словами, «стали частью нашего мировоззрения»²¹.

В произведениях Перелешина можно проследить сложный путь самопреодоления и процесс «расширения» границ сознания поэта, в котором, на наш взгляд, очень важную роль играет процесс сближения с восточной культурой. Обращение Перелешина к восточному типу духовности определяет развитие идеи «русской отзывчивости». Например, для его творчества бразильского периода характерны мотивы существования в сознании противоположных картин мира – буддизма и христианства: «Наш суеверно-скептический / (Зачем? Почему? Откуда?) / Путь лежит эклектический: / Христос, Моисей и Будда»²².

В связи с этим стоит обратить внимание на антологию «Три родины», вышедшую в 1987 году в Париже, в которой уже сложнее найти мотивы и образы, связанные с китайской темой. Но уже в названии книги раскрывается транснациональная идентичность автора. Сборник пронизывает характерный для поэзии эмигранта образ кочевника-странника-скитальца, который «не однолик», прячет «Шекспира, Корнеля в сундуки» и «мешает языки», как он писал в стихотворении «Гражданин мира?» (1983 г.)²³. В нем воплощается миф о себе как о продолжателе традиций русской культуры, который пытался наполнить русскую поэзию энергетикой иностранного языка: «Стихи пишу без ошибок / По-португальски я. / Но дело не только в этом: / Путь в солнечную страну / Открыл я русским поэтам – / Себе и Кузмину...» («В Бразилии», 1981 г.)²⁴.

Нужно подчеркнуть, что все 13 книг стихов Перелешин написал на русском, позволяя иноязычной реальности «просвечивать» сквозь русскую словесную ткань. Это не просто творческий поиск или художественный акт самореализации в новой среде, но и экзистенциальный выбор. З. Заховская в эмиграции так оценила способность Перелешина «соединять» «все миры»: «Вы удачно соединили не только два мира, а все миры, вам открывшиеся, а над ними филигранью наша, уже мифическая, но для нас вечно живая Россия» [21].

Подводя итог, можно сказать, что поэзия Перелешина характеризуется развитием культурфилософских мотивов идентичности человека как основы его существования, в которых отражается опыт пересоздания себя как продолжение традиции «всемирной отзывчивости» русской культуры. Но дар поэта проникаться духом чужой культуры отражает отнюдь не тип абстрактного космополита, лишённого национального лица. Перелешину близка интерпретация образа «русского скитальца» Достоевского в его «Речи о Пушкине» – человека, испытывающего мучительный выбор в поисках высшего идеала. В данном случае творчество Перелешина продолжает пушкинский тип идентичности – его «касание мирам иным», «именно не прикосновение, а касание,

²¹ См.: Салатко-Петрище В.Ф. Мысли о буддизме. Л. 39.

²² Там же. Л. 40.

²³ См.: Перелешин В.Ф. Три родины: Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 437.

²⁴ Там же. С. 436.

стыдливое, сдержанное приближение, в котором нет никакого упоения или опьянения, где ясность не утрачивается», как отмечал П. Струве²⁵.

Список литературы

1. Жебит А. Он пел «в тоске, на забытом языке». Поэт Валерий Перелешин и Россия // Родина. 2013. № 10. С. 55–61.
2. Ли М. Валерий Перелешин и его Китай // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 135–152.
3. Ли М. Цюэ ши дэ и хуань (Пропущенное звено: литература русского зарубежья в Китае). 李萌. 缺失的一环: 在华俄国侨民文学. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2007. 483 с. (на кит. яз.)
4. Крайний А. (Гиппиус З.) Полет в Европу // Литература русского зарубежья. Антология в 6 т. / под ред. А. Афанасьев. Т. 1. Кн. 2. М.: Книга, 1990. С. 366–373.
5. Чемякин Е.Ю. Концепция культурной идентичности в постколониальной литературе // Studia Culturae. 2020. № 45. С. 192–207.
6. Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 328 с.
7. Ходжсон К. Возвращение на родину литературы диаспоры: роль поэтической антологии в конструировании диаспорального канона // Век диаспоры. Траектория зарубежной русской литературы (1920–2020): сб. ст. / под ред. Марии Рубинс. М.: Новое лит. обозрение, 2021. С. 212–250.
8. Перелешин В. О бразильском архиве Валерия Перелешина // Отдел Рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 1.2.2. Ед. хр. 1.
9. Перелешин В. Восьмая годовщина Чураевки // Чураевка. 1934. № 6. Май. С. 3.
10. От содружества // Врата. Шанхай: 1934. Кн. 1. 206 с.
11. Перелешин В.Ф. Три родины: Стихотворения и поэмы. Т. 1. М.: Престиж Бук, 2018. 608 с.
12. Перелешин В.Ф. Письма к матери (Письмо СХХIII. 28 Мая. 1941) // Отдел Рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 2. Ед. хр. 100. Л. 163.
13. Перелешин В.Ф. Предисловие В. Перелешина к письмам Кирилла Батурина // Отдел Рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 22. Ед. хр. 6. Л. 1.
14. Перелешин В.Ф. Упадок формы в поэзии // Отдел Рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 1.2.2. Ед. хр. 1. Л. 10–11.
15. Адамович Г.В. Письмо Перелешину (28 Марта. 1970) // Отдел Рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 2.2. Ед. хр. 100. Л. 4.
16. Перелешин В.Ф. Письмо В. Перелешина Л.Ю. Хаиндровой за 1948–1949 годы // ГАРФ. Ф.10247. Оп. 1. Д. 48. Л. 2. Авторизованная машинопись, ксерокопии.
17. Век диаспоры. Траектория зарубежной русской литературы (1920–2020): сб. ст. / под ред. Марии Рубинс. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 333 с.
18. Бугаева Л.Д., Тигаренко С.Д. Литература диаспоры как феномен транснациональной культуры // Русская литература. 2022. № 2. С. 257–258.
19. Перелешин В.Ф. Письмо в редакцию // Russian Language Journal. 1971. № 90. С. 32–33.
20. Салатко-Петрище В.Ф. Мысли о буддизме // Отдел Рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 1.2.2. Ед. хр. 1. Л. 39
21. Заховская З. Письмо Перелешину (7 Октября. 1987) // Отдел Рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 2.2. Ед. хр. 100. Л. 4.
22. Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 349 с.

²⁵ См.: Струве П. Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 139 [22].

References

(Sources)

Collected Works

1. Ot sodruzhestva [From the commonwealth], in *Vrata* [Gates]. Shanghai, 1934, book 1. 206 p.
2. *Vek diaspori. Traektoriya zarubezhnoy russkoy literatury (1920–2020): sbornik statey* [Redefining Russian Literary Diaspora, 1920–2020]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 333 p.

Individual Works

3. Adamovich, G.V. Pis'mo Pereleshinu (28 Marta. 1970) [Letter to Pereleshin (March 28. 1970)], in *ORIMLI RAN*. Fund. 608. Inventory 2.2. Unity of storage 100. Sheet 4.
4. Pereleshin, V. O brazil'skom arkhive Valeriya Pereleshina [About the Brazilian archive of Valery Pereleshin], in *ORIMLI RAN*. Fund. 608. Inventory. 1.2.2. Unity of storage 1.
5. Pereleshin, V.F. Pis'ma k materi (Pis'mo CXXIII. 28 Maya. 1941) [Letters to the Mother (Letter CXXIII. May 28, 1941)], in *ORIMLI RAN*. Fund. 608. Inventory 2. Unity of storage 100. Sheet 163.
6. Pereleshin, V.F. Predislovie V. Pereleshina k pis'mam Kirilla Baturina [Preface by V. Pereleshin to the letters of Kirill Baturin], in *ORIMLI RAN*. Fund. 608. Inventory 22. Unity of storage 6. Sheet 1.
7. Pereleshin, V.F. Upadok formy v poezii [The decline of form in poetry], in *ORIMLI RAN*. Fund. 608. Inventory 1.2.2. Unity of storage 1. Sheet 10–11.
8. Pereleshin, V.F. Pis'mo V. Pereleshina L.Yu. Khaindrovoy za 1948–1949 gody [Letters to V. Pereleshina L.Yu. Khaindrova for the years 1948–1949], in *GARF*. Fund. 10247. Inventory 1. Case 48. Sheet 2.
9. Pereleshin, V.F. *Tri rodiny: Stikhotvoreniya i poemy. T. 1* [Three Homelands: Poems. Vol. 1]. Moscow: Prestizh Buk, 2018. 608 p.
10. Salatko-Petrishche, V.F. Mysli o buddizme [Thoughts on Buddhism], in *ORIMLI RAN*. Fund. 608. Inventory 1.2.2. Unity of storage 1. Sheet 39.
11. Zakhovskaya, Z. Pis'mo Pereleshinu (7 Oktyabrya. 1987) [Letter to Pereleshin (October 7. 1987)], in *ORIMLI RAN*. Fund. 608. Inventory 2.2. Unity of storage 100. Sheet 4.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

12. Krayniy, A. (Gippius, Z.) Polet v Evropu [Flight to Europe], in *Literatura russkogo zarubezh'ya. Antologiya v 6 t., t. 1, kn. 2* [Literature of the Russian abroad. Anthology in 6 vol., vol. 1, book 2]. Moscow: Kniga, 1990, pp. 366–373.
13. Khodzhson, K. Vozvrashchenie na rodinu literatury diaspori: rol' poeticheskoy antologii v konstruirovanii diasporal'nogo kanona [Repatriation of diasporic literature and the role of the poetry anthology in the construction of a diasporic canon], in *Sbornik statey «Vek diaspori. Traektoriya zarubezhnoy russkoy literatury (1920–2020)»* [Redefining Russian Literary Diaspora, 1920–2020]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, pp. 212–250.

(Monographs)

14. Li, M. *Propushchennoe zveno: literatura russkogo zarubezh'ya v Kitae* [The Missing Link: Literature of the Russian diaspora in China]. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2007. 483 p.
15. Rubins, M. *Russkiy Montparnas: Parizhskaya proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [Russian Montparnasse: Transnational Writing in Interwar Paris]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 328 p.

16. Struve, P.B. *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 2000. 349 p.

(Articles from Scientific Journals)

17. Bugaeva, L.D., Titarenko, S.D. Literatura diaspory kak fenomen transnatsional'noy kul'tury [Diaspora literature as a phenomenon of transnational culture], in *Russkaya literatura*, 2022, no. 2, pp. 257–258.

18. Chemyakin, E.Yu. Kontseptsiya kul'turnoy identichnosti v postkolonial'noy literature [The concept of cultural identity in postcolonial literature], in *Studia Culturae*, 2020, no. 45, pp. 192–207.

19. Li, M. Valeriy Pereleshin i ego Kitay [Valery Pereleshin and his China], in *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2007, no. 3, pp. 135–152.

20. Pereleshin, V. Vos'maya godovshchina Churaevki [The eighth anniversary of Churaevka], in *Churaevka*, 1934, no. 6, May, p. 3.

21. Pereleshin, V.F. Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor], in *Russian Language Journal*, 1971, no. 90, pp. 32–33.

22. Zhebit, A. On pel «v toske, na nezabytom jazyke». Poet Valeriy Pereleshin i Rossiya [He sang “in anguish, in an unforgettable language”. Poet Valery Pereleshin and Russia], in *Rodina*, 2013, no. 10, pp. 55–61.